

В. Г. Белинский

Письмо Н. В. Гоголю

Виссарион Григорьевич Белинский

Письмо Н. В. Гоголю

«Вы только отчасти правы, увидав в моей статье рассерженного человека: это эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это вашим, действительно не совсем лестным, отзывам о почитателях вашего таланта... нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства. Нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Письмо Н. В. Гоголю**

Вы только отчасти правы, увидав в моей статье **рассерженного** человека: это эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение вашей книги. Но Вы вовсе не правы, приписавши это вашим, действительно не совсем лестным, отзывав о почитателях вашего таланта. Нет, тут была причина более важная. Оскорбленное чувство самолюбия еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать об этом предмете, если бы все дело заключалось только в нем. Но нельзя перенести оскорбленного чувства истины, человеческого достоинства. Нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедают ложь и безнравственность как истину и добродетель.

... Я не в состоянии дать Вам ни малейшего понятия о том негодовании, которая возбудила ваша книга во всех благородных сердцах, ни о том вопле дикой радости, который издали, при появления ея, все ваши враги – и литературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничие и т. п.) и не литературные, которых имена Вам известны. Вы сами видите хорошо, что

от вашей книги отступились даже люди, по-видимому, одного духа с ее духом. Если бы она и была написана вследствие глубоко-искреннего убеждения, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатление...

... Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, сколько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их исполнение ... Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне! И в это время великий писатель, который своими дивно-художественными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на самое себя как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит

варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их «неумытыми рылами»!.. И это не должно было привести меня в негодование?!. Да если бы Вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел Вас за эти позорные строки... И после этого Вы хотите, чтобы верили искренности направления вашей книги?! Нет! Если бы Вы действительно преисполнились истинной Христова, а не дьяволова ученья, – совсем не то написали бы Вы вашему адепту из помещиков. Вы написали бы ему, что так как его крестьяне – его братья во Христе, а как брат не может быть рабом своего брата, то он должен или дать им свободу, или хоть по крайней мере пользоваться их трудами как можно льготнее для них, сознавая себя, в глубине своей совести, в ложном по отношению к ним положении... А ваше понятие о национальном русском суде и расправе, идеал которого Вы нашли в словах глупой бабы (жена капитана из «Капитанской дочки. – Е.Д.) из повести Пушкина и по разуму которого, якобы, должно пороть и правого и виновного? Да это и так у нас делается вчастую, хотя чаще

всего порют только правого, если ему нечем откупиться – быть без вины виноватым. И такая-то книга могла быть результатом трудного внутреннего процесса, высокого духовного просветления?!. Не может быть!.. Или Вы больны, и Вам надо спешить лечиться; или – не смею досказать моей мысли...

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?! Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь – это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодицею деспотизма. Но Христа, Христа-то зачем Вы примешали тут?! Что Вы нашли общего между Ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичество запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было **спасением** людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принцип ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницей

неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, — чем продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно больше сын Христа, плоть от плоти и кость от костей Его, нежели все ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? А ведь все это теперь вовсе не новость для всякого гимназиста...

А потому, неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству, поставив его неизмеримо выше духовенства католического? Положим, Вы не знаете, что католическое духовенство было чем-то, между тем как православное духовенство никогда, ничем и нигде не было, кроме как слугою и рабом светской власти. Но неужели и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого

русский народ рассказывает похабные сказки? Про попа, попадью, попову дочку, попова работника. Кого русский народ называет: **дурья порода, колуханы, жеребцы?** – Попов. Не есть ли поп на Руси, ля всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ – самый религиозный народ в мире? – Ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об иконе: **«Годится – молиться, не годится – горшки покрывать»**. Приглядитесь попристальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации, но религиозность часть уживается и с ним. Живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, все еще упорно стоят за какого-то Бога. Русский народ не

таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре. У него слишком много против этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству, ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетической созерцательностью, — ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме. Его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявлялась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительностью.

Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с их архиерейскими владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе со-

чувствия и уронил Вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к Вам по их направлению... Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух – он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем *mania religiosa*, он тотчас же земному Богу подкурит больше, чем небесному, да еще хватит через край, что небесный и земной Бог и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш верующий брат, русский человек!

Вспомнил я еще, что в Вашей книге Вы утверждаете как великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать Вам на это? Да благословит Вас ваш византийский Бог за эту византийскую мысль. А знали ли Вы, предавая такую мысль бумаге, что творили?

... Вы, сколько я вижу, не совсем хорошо понимаете русскую публику. Ее характер определяется положением русского общества, в котором кипят и рвутся наружу свежие силы, но, сдавленные тяжелым гнетом, не находят исхода, производят только уныние, тоску, апатию. Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно, почему у нас так легок литературный успех, даже при маленьком таланте. Титло поэта, звание литератору у нас давно уже затмило мишуру эполет и разноцветных мундиров. И вот почему у нас в особенности награждается всеобщим вниманием всякое так называемое либеральное направление, даже и при бедности таланта, и почему так скоро падает популярность великих поэтов, искренне или неискренне отдающих себя в услужение православию, самодержавию и ложно понятой народности...

Не без некоторого чувства самодовольства скажу Вам, что мне кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного влияния на пра-

вительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся в Петербурге слух, что правительство хочет напечатать вашу книгу в числе многих тысяч экземпляров и продавать по самой низкой цене, мои друзья приуныли. Но я тогда сказа им, что, несмотря ни на что, книга не будет иметь успеха и о ней скоро забудут. И действительно, она теперь памятнее всеми статьями о ней, нежели сама собой. Да! У русского человека глубок, хотя и не развит еще, инстинкт истины!

Ваше обращение, пожалуй, могло быть и искренно. Но мысль – довести ваше обращение ко мне до сведения публики – была самая несчастная. Времена наивного благочестия давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимает, что молится везде все равно и что в Иерусалиме ищут Христа только люди или никогда не носившие Его в груди своей, или потерявшие его. Кто способен страдать при виде чужого страдания, кому тяжело зрелище угнетения чуждых ему людей, – тот носит Христа в груди своей, и тому незачем ходить пешком в Иерусалим. (Гоголь таки сходил потом в Иерусалим на богомолье –

Е.К.) Смирение, проповедуемое Вами, во-первых, не ново, а во-вторых, отзывается с одной стороны, страшною гордынею, а с другой – самым позорным унижением своего собственного человеческого достоинства. Мысль сделаться каким-то абстрактным совершенством, стать выше всех смирением может быть плодом только гордыни, слабоумия и в обоих случаях ведет неизбежно к лицемерию, ханжеству, китаизму. И при этом Вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о себе самом – это уже гадко, потому что если человек, бьющий своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение. Нет! Вы только омрачены, а не просветлены. Вы не поняли ни духа, ни формы христианства нашего времени...

Что же касается меня лично, повторяю Вам: Вы ошиблись, сочтя статью мою выражением досады за ваш отзыв обо мне как об одном из ваших критиков. Если бы только это рассердило меня, я только об этом и отозвался с досадою, а обо всем остальном выразился

спокойно и беспристрастно. А это правда, что ваш отзыв о бывших почитателях вдвойне нехорош... Передо мною была ваша книга, а не ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней написано. И то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если б я дал полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось в толстую тетрадь. Я никогда не думал писать к Вам об этом предмете, хотя и мучительно желал этого и хотя Вы всем и каждому печатно дали право писать к Вам без церемоний, имея в виду одну правду... Я не умею говорить наполовину, не умею хитрить, это не в моей натуре. Пусть Вы или само время докажет мне, что я ошибаюсь в моих заключениях, – я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь о том, что сказал Вам. Тут дело идет не о моей или вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и Вас. И вот мое последнее, заключительное слово: если Вы имели несчастье с гордым смирением отречься от ваших истинно великих произведе-

ний, то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы ваши прежние.

Зальцбрунн

15-го июля н.с. 1847-го года